Проф. А. И. Введенскій.

Сист 201
п 230
В-329
291
В.24.
В-329

СМЫСЛЪ ЯЗЫЧЕСТВА.

(Философскій комментарій на первую главу, ст. 18—32 посланія къ Римлянамъ и мѣста параллельныя.)

Инв. № 4096

БИБЛИОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
АНТИРЕЛИГИОЗНОГО
МУЗЕЯ

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и А. Гешеля.
преемн. Э. ЛИССНЕРА и Ю. РОМАНА.
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.
1900.

1г

ПРОВ. 1954

BS
2891
B8e

Отдѣльный оттискъ изъ № 1 журнала *Вѣра и Церковь* за 1900 г

Печатать дозволяется, Москва, 16 января 1900 г.
Цензоръ протоіерей *Николай Благоразумовъ*

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
2233
53

Смыслъ язычества.

(Философскій комментарій на первую главу, ст. 18—32, посланія къ Римлянамъ и мѣста параллельныя.)

Если въ язычествѣ есть смыслъ, то смыслъ этотъ, безъ сомнѣнія, заключается не въ томъ, что̀ есть въ немъ безсмысленнаго, не въ его часто совсѣмъ непостижимыхъ, по своему неразумію, суевѣріяхъ и ужасающихъ, по своей оргіастической безнравственности, культахъ, но — въ той *истинѣ Божіей* (ст. 25), искаженною тѣнью которой являются эти жалкія суевѣрія, и въ той *правдѣ Божіей* (ст. 17), которая обличаетъ эти мерзостные культы ихъ же собственными слѣдствіями. Подобно тому, какъ въ обыкновенной человѣческой „трагедіи“, хотя насъ и могутъ иногда интересовать тѣ или другія частности, но нравственное дѣйствіе достигается лишь производимымъ общимъ впечатлѣніемъ, и смыслъ познается лишь изъ соотношенія всѣхъ, развернутыхъ въ ней, мотивовъ и дѣйствій: такъ точно и въ той великой „трагедіи вѣры“, которую представляетъ исторія языческаго сознанія, главное и поучительное для насъ заключается не въ тѣхъ или другихъ его частныхъ формахъ, какъ бы интересны сами по себѣ онѣ иногда ни были, но въ идеѣ процесса, выраженной въ цѣлостной совокупности всѣхъ его существенныхъ моментовъ. Только съ этой точки зрѣнія въ смѣнѣ безконечно разнообразныхъ суевѣрій и культовъ, церемоній и обрядовъ, обычаевъ и нравовъ, намъ можетъ открыться ихъ общій, существенный и основной, *смыслъ*.

И вотъ, если мы возьмемъ исторію язычества въ цѣломъ, — не такъ, какъ она представляется ограниченному пониманію того или другого отдѣльнаго изслѣдователя, но такъ, какъ

она предносится богопросвѣщенному взору священныхъ писателей и преимущественно великаго апостола языковъ, Павла, — то она распадется предъ нами на три основныхъ момента или, если мы хотимъ выдержать употребленное выше сравненіе, на три акта.

Сначала,— первый моментъ,— на религіозной жизни естественнаго человѣчества, изъ котораго еще не выдѣлилось язычество, въ собственномъ смыслѣ этого слова[1]), на его вѣрованіяхъ и дѣяніяхъ, мы видимъ ясный отблескъ первобытной истины, которая мощно поддерживаетъ въ человѣкѣ свѣтъ естественнаго Откровенія и чуткость врожденной совѣсти. Отовсюду доносятся до насъ свидѣтельства о почитаніи единаго истиннаго Бога и таинственные образы людей, Его боящихся и Ему угодныхъ, выступаютъ предъ нами у многихъ племенъ и народовъ и внѣ народа избраннаго.

Однако, естественное человѣчество, — это второй моментъ,— не устояло въ томъ строѣ жизни, который опредѣлялся его первоначальнымъ знаніемъ о Богѣ. Храня неприкосновенною мысль о Немъ въ умѣ, оно не славило Его своею жизнію и вотъ въ его сознаніи открылась роковая двойственность: ослабѣвшая воля туманила умъ, а затемненный умъ допускалъ волѣ ниспадать все ниже и ниже въ область началъ земныхъ и чувственныхъ. Такъ образовалось язычество, которое, переходя отъ соблазна къ соблазну, — отъ соблазна страстной воли къ соблазну ослѣпленнаго ума, — дошло, наконецъ, до совершеннаго разложенія, умственнаго и нравственнаго.

Наконецъ, — третій моментъ, — истерзанное роковыми слѣдствіями вѣковыхъ религіозныхъ заблужденій, томимое муками неудовлетвореннаго, но и не прекращающагося, духовнаго исканія, язычество, какъ евангельскій блудный сынъ, смутно чувствуетъ потребность возвратиться въ домъ Отца, нѣкогда имъ покинутый, и хотя оно уже утратило *положительный идеалъ* этой желанной жизни въ отчемъ домѣ, но зато тѣмъ отчетливѣе выступала въ немъ отрицательная сторона этого идеала — сознаніе того, *чѣмъ не должна быть* жизнь по идеалу. Отсюда чуткая воспріимчивость язычниковъ къ проповѣди Евангелія и обращеніе къ новой жизни, какъ единственный выходъ изъ тѣхъ роковыхъ коллизій, изъ которыхъ слагалась ихъ „трагедія вѣры“.

Всмотримся въ указанные моменты исторіи язычества ближе, руководясь прямымъ и точнымъ смысломъ ученія апостола Павла.

I.

Язычники нѣкогда знали Бога.

(Римл. I, 19—21а).

Язычники *нѣкогда знали Бога* (*γνόντες τὸν Θεὸν*, ст. 21): вотъ первая истина, которую намъ должно утвердить предъ своимъ сознаніемъ. Говоря строго, для конкретно-историческаго пониманія, приникнутаго библейско-теистическою идеею исторіи, здѣсь нѣтъ и быть не можетъ не только сомнѣній, но даже и вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, съ библейско-теистической точки зрѣнія, исторія человѣчества началась не язычествомъ. Напротивъ, язычество выступаетъ въ исторіи сравнительно очень поздно (съ момента призванія Богомъ Авраама), и хотя Авраамъ, въ смыслѣ внѣшне-этнологическомъ или племенномъ, является выдѣленіемъ изъ язычества, съ которымъ онъ былъ связанъ связью тѣлеснаго рожденія и родства, — какъ бы его отложеніемъ, однако, въ смыслѣ духовномъ, отложеніемъ является именно язычество: ко времени Авраама язычество, въ смыслѣ совокупности религіозныхъ и нравственныхъ заблужденій и навыковъ, оказалось элементомъ, настолько несогласнымъ съ истинною вѣрою первобытнаго человѣчества (представителемъ котораго является именно Авраамъ), настолько инороднымъ въ сравненіи съ нею и настолько ей чуждымъ, что неизбѣжно должно было подпасть выдѣленію и какъ бы духовному отсѣченію. Но если, такимъ образомъ, язычество есть *вторичное* явленіе въ религіозной исторіи человѣчества, то ясно, что язычники, проникаясь мало-по-малу своими специфически-языческими элементами, не могли, однако, не знать той истинной основы боговѣдѣнія и богопочитанія, которою держалась религія первобытная.

Итакъ, язычество первоначально знало Бога и — знало знаніемъ истиннымъ. Однако, выступивъ изъ первоначальнаго общенія истинной вѣры и жизни, оно мало-по-малу, и все въ большей и большей степени, стало утрачивать это свое первоначальное знаніе о Богѣ. На мѣсто традиціонно-

устойчиваго внѣшняго наученія, изъ рода въ родъ передававшаго начала истинной религіи, теперь вступали, сравнительно уже менѣе устойчивыя и опредѣленныя, указанія и внушенія внутреннихъ духовныхъ инстинктовъ природы человѣческой. Историческія основы религіи все болѣе и болѣе стали замѣняться теперь, допускавшими несравненно болѣе широкое и произвольное толкованіе, основами психологическими, въ ихъ двухъ главныхъ формахъ: а) въ формѣ непосредственно-интуитивнаго знанія о Богѣ въ природѣ и человѣческомъ духѣ, и б) въ формѣ свидѣтельства нравственнаго сознанія или совѣсти.

а) Весьма замѣчательно, что, восходя мыслію къ началу язычества и останавливаясь на томъ, что язычники *могли бы* знать о Богѣ, если-бы какъ должно воспользовались оставшимися средствами богопознанія, апостолъ Павелъ усвояетъ имъ сравнительно высокую форму религіознаго знанія. Позднѣе язычники достигнутъ такого безпомощнаго состоянія, что въ мірѣ ясныхъ и очевидныхъ откровеній Божіихъ будутъ бродить какъ въ потемкахъ, полагаясь подобно слѣпцамъ, не на зрѣніе, но лишь на низшее изъ чувствъ — осязаніе [2]). Но теперь, въ началѣ своей исторіи, они еще владѣютъ истиной (ст. 18 — *ἀλήθεια*), которая въ зародышѣ предобразована въ самомъ человѣческомъ духѣ и, при благопріятныхъ условіяхъ, выступаетъ къ свѣту сознанія. Ибо, хотя Богъ по существу Своему непостижимъ, но нѣчто все же можно знать о Немъ, и то, что о Немъ можно знать *(τὸ γνωστὸν τοῦ Θεοῦ*, ст. 19) человѣку, даже и язычнику, нѣтъ надобности искать внѣ себя, потому что это дано въ немъ самомъ *(ἐν αὐτοῖς)* — дано ясно, какъ свѣтъ солнечный *(φανερόν ἐστι)* и неотразимо-принудительно, какъ откровеніе самого Бога *(ὁ Θεὸς ἐφανέρωσε)*, а не какъ произвольное утвержденіе, или шаткая догадка человѣка: *разумное Божіе явь есть въ нихъ, Богъ бо явилъ есть имъ.* Какая глубина и точность анализа! Что людямъ можно знать о Богѣ, — *явь есть въ нихъ.* Назовемъ ли мы Бога Первопричиною, или верховнымъ Разумомъ, или всемогущею Силою, или преизобильнымъ Благомъ и Любовью, — понятія для всѣхъ этихъ названій мы возьмемъ изъ своего собственнаго сознанія, въ которомъ они заложены съ непререкаемою очевидностію, потому что въ нихъ осуществляется вся жизнь нашего

сознанія и безъ нихъ оно было бы темно, хаотично и, слѣдовательно, какъ именно человѣческое сознаніе, въ сущности не существовало бы. Но разъ эти понятія даны людямъ, даны въ нихъ самихъ, то и не обращаясь вовнѣ, но просто лишь продумавъ до конца эти понятія, человѣкъ долженъ прійти къ тому, что *можно* знать о Богѣ.

Однако, чтобы это внутреннее и непосредственное знаніе о Богѣ имѣло не субъективно-личную только достовѣрность, но и объективно-всеобщую убѣдительность, Богъ, со времени созданія міра, открылъ въ немъ Свои невидимыя свойства и совершенства (ст. 20), такъ что тому, кто сталъ бы утверждать, что онъ не находитъ никакого яснаго свидѣтельства о Богѣ въ себѣ самомъ, въ своемъ сознаніи и личной жизни, достаточно было бы указать на внѣшній міръ, въ которомъ невидимое Божіе предстоитъ вдумчивому взору (*τὰ ἀόρατα — καθορᾶται*) въ наглядно-созерцаемой, какъ бы въ тѣлесной формѣ: смотри, — такъ можно было бы сказать такому человѣку, — вотъ *непререкаемое и общеочевидное* свидѣтельство о Немъ[3]), вотъ проявленіе Его вѣчной силы, вотъ отблески Его идеально-божественныхъ совершенствъ! Но, конечно, указаніе на откровеніе въ мірѣ вѣчной силы Божіей не имѣло бы никакого смысла для человѣка, который былъ бы способенъ искать удостовѣренія въ существованіи этой силы исключительно осязаніемъ: для осязанія и вообще для внѣшняго чувства всякая сила есть лишь предѣлъ, за которымъ начинается неизвѣстное и непроницаемое. Точно такъ же и указанія на отблески въ мірѣ божественныхъ совершенствъ и на ихъ идеальную возвышенность надъ всѣмъ космически-натуральнымъ не имѣло бы никакой убѣдительности и даже смысла для человѣка, который былъ бы способенъ измѣрять всѣ и всякія явленія и отношенія исключительно масштабомъ ихъ вреда или пользы, удовольствія или страданія. Если же апостолъ столь рѣшительно заявляетъ о безотвѣтности язычниковъ въ виду указаній на открывающіяся въ твореніяхъ міра божественныя силу и совершенства, то, очевидно, онъ усвояетъ имъ способность къ высшему роду религіознаго знанія, — проникнутому мыслью умственному или, какъ говорятъ философы, *интеллектуальному* созерцанію откровеній Божества въ мірѣ.

Итакъ, когда апостолъ говоритъ, что язычники нѣкогда

знали о Богѣ, то онъ усвояетъ имъ не какое-либо безпочвенно-шаткое и неопредѣленно-гадательное знаніе, но знаніе устойчивое и вполнѣ опредѣленное, — вкорененное въ основныхъ элементахъ и формахъ душевной жизни человѣка и развитое въ цѣлую, умственно созерцаемую картину.

б) Если, обладая, въ столь высокой степени, внутреннею способностію и внѣшнею возможностію знать Бога, язычники, — какъ это случилось впослѣдствіи, — не осуществили этой возможности и не воспользовались своею способностію; то это произошло единственно вслѣдствіе того, что они *содержали истину въ неправдѣ и подавили ею* (ст. 18). Правда жизни, нравственная правда есть, въ самомъ дѣлѣ, непремѣнное условіе познанія истины. И это не потому только, что нравственный законъ есть внутреннѣйшее откровеніе природы и совершенствъ Божіихъ, но и потому, что какъ существуетъ нравственность *жизни,* такъ точно существуетъ и нравственность *мысли,* познанія и мышленія (искренность, осторожность, настойчивость или постоянство исканія и т. д.), нарушеніе которой неизбѣжно влечетъ за собою ошибки и заблужденія, — какъ вообще, такъ и въ области богопознанія въ частности. И вотъ эти-то требованія элементарной правды мысли, а слѣдовательно и жизни язычники опять-таки были способны и имѣли полную возможность знать, ибо они знали законъ нравственный и обладали непогрѣшительнымъ средствомъ въ каждомъ данномъ случаѣ, тотчасъ же и безошибочно, рѣшить, вѣрна ли ихъ жизнь этому закону, или уклоняется отъ него.

Язычники должны знать нравственный законъ: ибо *дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ* (Римл. 2, 15). Не законъ вообще и не опредѣленный, Моусеевъ законъ въ частности (ὁ νόμος), но именно *дѣло закона* (τὸ ἔργον τοῦ νόμου) написано въ сердцахъ язычниковъ. Что разумѣетъ здѣсь апостолъ подъ дѣломъ закона? Прежде всего, очевидно, не внѣшній результатъ его выполненія, ибо въ такомъ случаѣ дѣло закона никакъ и ни въ какомъ смыслѣ не могло бы быть написано въ сердцахъ. Остается, слѣдовательно, разумѣть подъ дѣломъ закона лишь его *внутреннее дѣйствіе* или, выражаясь отвлеченно-философски, его психологическую функцію. Въ чемъ она состоитъ? Во-первыхъ, въ томъ, что нравственный законъ нормируетъ умъ (почему тотъ же апо-

столъ и называетъ его иначе закономъ ума (*ὁ νόμος τοῦ νοός*, 7, 23), указывая ему форму или, по крайней мѣрѣ, общее направленіе нормальныхъ отношеній къ сущему, начиная отъ Творца и до ничтожнѣйшихъ тварей. Во-вторыхъ, функція нравственнаго закона выражается въ томъ, что онъ нормируетъ волю, нося въ себѣ самомъ указаніе на свой верховный источникъ и непререкаемый его авторитетъ: указаніе на волю Божію, какъ на источникъ нравственнаго закона (*законъ Божій*, 7, 22 и др.), является для воли человѣческой могущественнѣйшимъ мотивомъ къ его исполненію. Нормальное устроеніе ума и безусловная мотивація воли — вотъ, слѣдовательно, то „дѣло закона", о которомъ говоритъ апостолъ. И это „дѣло" написано не въ какой-либо другой силѣ или способности духа, но именно въ сердцѣ, такъ какъ чувствованіе должнаго отношенія къ сущему есть наиболѣе общій фактъ душевной жизни, всѣмъ равно свойственный, безъ различія возраста и степени умственнаго развитія. Сердце есть средоточіе духовной жизни, въ которомъ элементарные процессы ума, воли и чувства находятся еще въ первоначальномъ единствѣ и непосредственной внятности, и вотъ почему то, что написано въ сердцѣ, написано письменами самыми удобочитаемыми и вразумительными.

О томъ, что „дѣло закона" написано у язычниковъ въ сердцахъ, имъ *свидѣтельствуетъ совѣсть ихъ и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую* (ст. 15). Совѣсть есть первичная, то-есть не опосредствованная какими-либо разсудочными выводами или доводами и не опирающаяся на мнѣнія другихъ, но основанная единственно на непосредственно-внутреннемъ сознаніи нравственнаго закона оцѣнка человѣкомъ своихъ дѣйствій, намѣреній, мыслей, словомъ — всей своей жизни сообразно съ этимъ единымъ неподвижнымъ нравственнымъ критеріемъ. Эта оцѣнка проявляется въ двухъ главныхъ формахъ: то какъ самообвиненіе (мысли обвиняющія), то какъ радостное сознаніе исполненнаго закона (мысли оправдывающія). Подобно тому, какъ въ состояніяхъ тяжелаго теоретическаго сомнѣнія, поверхность нашей душевной жизни бываетъ возмущена противоборствующими волнами (чѣмъ и обусловливаются всѣмъ извѣстныя „муки сомнѣнія"), такъ точно, и еще въ большей степени, и въ случаяхъ нравственныхъ колебаній, мысли обвиняющія или оправ-

дывающія одна другую, какъ волны, воздымаютъ наше сознаніе, сосредоточивая все наше вниманіе и всю душевную энергію на тревожномъ вопросѣ. И какъ тамъ — только чувство умственной удовлетворенности, называемой достовѣрностію, возстановляетъ душевное спокойствіе, такъ и здѣсь — только достигнутый миръ съ совѣстію исполняетъ душу радостію внутренняго довольства и успокоенія на отрадномъ сознаніи, что нравственная коллизія разрѣшена *какъ должно*. Тому, кто сказалъ бы, что онъ не знаетъ „дѣла закона“ и никакія письмена, начертанныя въ сердцѣ, ему не говорятъ о немъ, — тому достаточно было бы указать на фактъ совѣсти, чтобы сдѣлать его безотвѣтнымъ. Какъ въ тѣлесной жизни болѣзненные симптомы призываютъ наше вниманіе къ общему состоянію нашего организма, такъ и въ жизни духовной борьба мыслей, то обвиняющихъ, то оправдывающихъ одна другую, уже сама по себѣ служитъ симптомомъ нравственной неустроенности, а въ дальнѣйшемъ анализѣ — симптомомъ радикальной поврежденности, въ силу которой человѣкъ дѣлаетъ не то добро, которое знаетъ и котораго хочетъ, но то зло, котораго не хочетъ.

Итакъ, язычники должны знать и дѣйствительно знаютъ путь правды, и вотъ почему, даже и *не имѣя* положительнаго *закона*, они *дѣлаютъ законное*, дѣлаютъ *по природѣ*, являясь *сами себѣ закономъ* (ст. 14). И если бы они всегда и неуклонно ходили путемъ правды, если бы выполняли написанное въ ихъ сердцѣ „дѣло закона“ и не подавляли истины неправдою (Р. 1, 18), то они устояли бы въ той истинѣ богопознанія, которою обладало первобытное человѣчество, которой служили Авраамъ (еще до завѣта съ Богомъ), Мельхиседекъ, Іовъ и многіе другіе не только въ древнее, но и въ позднѣйшія времена — всѣ тѣ, „боящіеся Бога“ и поступающіе по Его правдѣ, которые, къ какому бы народу они ни принадлежали, пріятны Богу (Дѣян. 10, 35)[1]. Эти примѣры показываютъ, на какой высотѣ духовнаго устроенія *могло бы* стоять человѣчество, если бы оно *какъ должно* воспользовалось хотя бы только *естественными* средствами богопознанія, и на какой высотѣ дѣйствительно стояло первоначальное человѣчество, о которомъ апостолъ говоритъ, что оно *знало Бога*.

II.

Психологія отпаденія язычниковъ.

(Римлян. 1, 21б–32.)

Нормальное устроеніе духовной жизни характеризуется совершеннымъ отсутствіемъ раздвоенности между вѣрою и жизнью, между теоретическими убѣжденіями и практическою настроенностію. Такой опредѣленности и цѣльности, такого *цѣломудрія* (въ классическомъ смыслѣ этого слова) особенно требуетъ жизнь религіозная. Ею и отличаются всѣ такъ называемые „герои вѣры“: *Авраамъ пребылъ твердъ въ вѣрѣ и воздалъ славу Богу* (Римл. 4, 20). Но язычники не такъ: они, *познавъ Бога, не прославили Его, какъ Бога, и не возблагодарили*. Нѣчто недолжное, такимъ образомъ, вступило въ языческое сознаніе, и въ немъ открылся разрывъ.

Что въ этомъ именно лежало начало отпаденія язычества отъ истиннаго богопознанія, что именно это было *πρῶτον ψεῦδος* язычества, — это апостолъ лишь отмѣчаетъ какъ нѣчто самопонятное, не сопровождая свое указаніе никакими поясненіями и доказательствами. И дѣйствительно разъяснять и доказывать здѣсь нечего. Дѣло ясно само по себѣ и само себя изобличаетъ въ неправдѣ. Въ самомъ дѣлѣ, кто проникнутъ созерцаніемъ славы Божіей, отблесковъ идеально-свѣтоносной божественности на чудесахъ міросозданія, тотъ какъ можетъ не воздать славы Богу, содѣйствуя и съ своей стороны, насколько отъ него зависитъ, явленію этой славы, въ своей мысли и жизни, въ своихъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ? Кто глубоко и искренно проникнутъ мыслью о вѣчной силѣ Божіей, все воззвавшей къ бытію и всѣмъ управляющей, тотъ какъ можетъ не возблагодарить Бога, своего Творца и Промыслителя? Съ теоретической точки зрѣнія, прославленіе и благодареніе, — эти двѣ основныя черты богопочитанія или религіознаго культа, — суть *логически-необходимыя слѣдствія* истиннаго познанія Божіихъ славы и силы, а съ практической — прямыя *нравственныя обязанности*. Итакъ, не прославивъ и не возблагодаривъ Бога, изначала познаннаго познаніемъ истиннымъ, язычники тѣмъ самымъ доказали уже и свое неразуміе и отсутствіе истиннаго нравственнаго благородства (ибо неблагодарность — одна изъ самыхъ низкихъ свойствъ человѣческой души)[5]).

За началомъ отпаденія послѣдовало его естественное и неизбѣжное продолженіе: перестановка центра духовной жизни. Если, познавъ Бога, язычники не прославили и не возблагодарили Его, то это значитъ, что фактически ихъ знаніе о Богѣ уже потеряло теперь надъ сознаніемъ свою безусловную власть, перестало быть единымъ опредѣляющимъ началомъ духовной жизни и замѣнено другимъ началомъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто глубоко и искренно вѣруетъ въ Бога и неложно служитъ Ему, для того Богъ есть не только Творецъ-Промыслитель міра и Царь открывающейся въ немъ славы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и единый Источникъ внутренней, духовной жизни: Идеалъ разума, Первообразъ духовной красоты и Нравственный Законодатель. Но у кого въ религіозную жизнь вторглось раздвоеніе и коренная ложь, тотъ уже перестаетъ руководствоваться въ своей жизни единымъ и верховнымъ Идеаломъ истины, погружаясь въ умствованія суетныя и пустыя; у того сердце утрачиваетъ свою чуткость къ первозданной красотѣ тварей и омрачается; тотъ, наконецъ, самъ становится своимъ законодателемъ и, гордясь своею мудростію, тѣмъ самымъ изобличаетъ свое близорукое юродство. Словомъ, мѣсто богоуставленныхъ началъ жизни, неизбѣжно ослабѣвающихъ и даже какъ бы совершенно угасающихъ въ человѣкѣ вслѣдъ за вторженіемъ въ его религіозную жизнь лжи, неискренности и раздвоенности, заступаютъ начала самоизмышленныя и произвольно-личныя. Благотворная *теономія* смѣняется гибельною для истинно-духовной жизни *автономіею*. Такъ именно и случилось съ язычниками: *они осуетились въ умствованіяхъ своихъ, и омрачилось несмысленное ихъ сердце и, называя себя мудрыми, они обезумѣли.*

Сообразно тремъ сторонамъ духовной жизни и тремъ относительно-самостоятельнымъ ея центрамъ, отпаденіе язычества, въ его дальнѣйшей исторіи, совершается тремя различными путями, которые приводятъ къ тремъ основнымъ типамъ языческихъ религій. Преемственность выступленія этихъ типовъ въ исторіи язычества опредѣляется психологическимъ закономъ ихъ смѣны въ индивидуальномъ сознаніи. Всего доступнѣе искушенію подвижное и неустойчивое чувство: соблазнъ чувственной красоты — наиболѣе могущественный изъ всѣхъ соблазновъ, и, потому, прежде всего, совершилось измѣненіе омраченнымъ сердцемъ славы Божіей, подмѣна ду-

ховной красоты чувственною (ст. 22—24). За этимъ первымъ соблазномъ послѣдовалъ второй — соблазнъ ума, замѣнившаго мысль о Творцѣ и религіозное служеніе Ему мыслью о твари, какъ самоисточномъ началѣ жизни, и служеніемъ ей (ст. 25—27). Наконецъ, — крайняя степень отпаденія, — гордая своею „автономностью“ воля, поддавшаяся соблазнамъ порока и утратившая всѣ и всякіе нравственные критеріи, увлекла человѣка въ область мерзкаго и мерзостнаго культа олицетворенныхъ человѣческихъ пороковъ (ст. 28—32). Такъ опредѣлились три основныхъ формы язычества — съ преобладаніемъ мотивовъ эстетическихъ, раціоналистическихъ и ложно-моралистическихъ.

Прежде всего язычники подмѣнили истинное и самосвѣтящееся сіяніе нетлѣнной славы Божіей обманчивымъ блескомъ призрачной и преходящей тварной красоты. Внѣшнимъ явленіемъ славы Божіей, откровеніемъ возвышенно-идеальныхъ божественныхъ совершенствъ *(θειότης)*, служитъ такъ называемая космическая красота, которая предлежитъ нашему *созерцанію* въ безконечномъ разнообразіи конкретныхъ явленій природы, начиная отъ красоты звѣзднаго неба и до красоты полевой лиліи, *мыслится* же нами въ двухъ основныхъ аспектахъ: какъ дивная гармонія мірового цѣлаго и какъ совершеннѣйшее приспособленіе другъ къ другу его отдѣльныхъ частей въ качествѣ взаимнообусловливающихъ средствъ и цѣлей. Въ этихъ двухъ основныхъ своихъ аспектахъ космическое явленіе славы Божіей должно служить, и дѣйствительно служитъ вѣчною и неисчерпаемою задачею художественнаго возсозданія (принципъ всякаго истиннаго искусства) и предметомъ философскаго размышленія (предметъ истинной философіи). Исполняя душу чувствомъ высокаго, космическая красота, своимъ тихимъ и непосредственнымъ, но неотразимымъ и властнымъ, дѣйствіемъ смиряетъ гордость человѣка, утишаетъ буйство его желаній и вводитъ въ норму его мечты. При такомъ условіи и дѣйствіи на душу, созерцаніе космической красоты, какъ именно откровенія славы Божіей, является однимъ изъ элементовъ и въ истинной религіи, всегда обращающей нашъ взоръ на красоту природы: *небеса повѣдаютъ славу Божію*. Но язычники, едва ставъ на этотъ путь созерцанія Бога въ чудесахъ и красотѣ природы и совсѣмъ не утвердившись въ немъ, уже покинули его: ихъ

омраченное и несмысленное сердце *измѣнило славу нетлѣннаго Бога въ образъ, подобный тлѣнному человѣку, и птицамъ, и четвероногимъ, и пресмыкающимся.* Потерявъ истинный критерій красоты и увлекаясь красотою обманчивою, какъ путникъ блуждающимъ огонькомъ, оно ниспадало все ниже и ниже до тѣхъ поръ, пока не стало воображать себѣ Божество подобнымъ мерзкимъ пресмыкающимся. Но когда отпаденіе достигло этого крайняго предѣла, тогда со всею силою обнаружилась и правда Божія — въ его слѣдствіяхъ: *и предалъ ихъ Богъ въ похотяхъ сердецъ ихъ нечистотѣ, такъ что они осквернили сами свои тѣла.* Возмездіе праведное: чѣмъ согрѣшили язычники, тѣмъ они и наказаны, — поклонились, какъ Богу, низкой и нечистой твари, ей же и уподобились своею скверной нечистотою!

Безмѣрнымъ неразумѣемъ было уже и то, что язычники усвоили славу нетлѣннаго Бога тлѣнной твари. Однако психологически этотъ процессъ все же до нѣкоторой степени понятенъ и объяснимъ: ибо тварь, хотя и тлѣнная, все же носитъ на себѣ отблески несозданной красоты и разума, — преимущественно въ красотѣ богоподобнаго образа человѣческаго, дѣлающей, такъ сказать, нечувствительнымъ переходъ отъ славы нетлѣнной къ красотѣ преходящей, но также и въ красотѣ другихъ тварей и явленій природы. Но уже совсѣмъ непостижимо, какъ язычники самодостаточное и самоисточное всемогущество Божіе („вѣчная сила“) подмѣнили условно-зависимымъ и столь очевидно безпомощнымъ тварнымъ существованіемъ. Всемогущій Первовиновникъ твари, все содержащій въ Своей власти, на все изливаетъ Свои дары: вотъ „истина Божія“ (ст. 25). Но эту истину Божію язычники замѣнили „ложью“ (ibid.), когда, вмѣсто Творца, поклонились и стали служить твари. Тотъ потокъ силы и жизни, который захватываетъ тварь, проявляясь въ неистощимыхъ рожденіяхъ и прочихъ проявленіяхъ жизни, — этотъ потокъ не самоисточный, но истекаетъ отъ силы Божіей. Еще менѣе самостоятельны отдѣльныя твари. Какое же посрамленіе для человѣка, для его разума, распростираться ницъ предъ условнымъ и несамостоятельнымъ, какъ бы предъ самою вѣчною силою Божіею! И опять, и въ данномъ случаѣ, язычники наказываются именно тѣмъ, чѣмъ согрѣшили. Доведенные своими суетными умствованіями до обоготворе-

нія вегетативно-генитальныхъ процессовъ природы, вмѣсто Творца и Его вѣчной силы, они, по закону правды Божіей, заложенному въ самыхъ законахъ природы, какъ физической, такъ и духовной, наказаны именно тѣмъ, что естественное употребленіе этихъ процессовъ превратили въ противоестественное, *получая,* такимъ образомъ, *должное возмездіе въ самихъ себѣ за свое заблужденіе.*

Нечистота и растлѣніе, физическое и нравственное, въ бо́льшей или меньшей степени, присущи всѣмъ вообще формамъ язычества, — язычеству съ преобладающими ложно-эстетическими мотивами, точно такъ же, какъ и язычеству раціоналистическому. Возможны, однако, и дѣйствительно извѣстны въ исторіи формы язычества, въ которыхъ нечистота и нравственные пороки не только *фактически существуютъ,* какъ неизбѣжное и достойное безконечныхъ сѣтованій возмездіе за уклоненіе омраченнаго сердца и суетнаго ума въ заблужденія (при чемъ все же остается сознаніе, что это есть нѣчто *не должное),* но, такъ сказать, возводятся въ принципъ, признаются чѣмъ-то *должнымъ,* естественнымъ и нормальнымъ, такъ что язычники не только сами совершаютъ постыдныя дѣла, но и *дѣлающихъ одобряютъ* (ст. 32). Это уже крайняя ступень отпаденія, очевиднѣйшее доказательство того, что умъ, утратившій мысль о Богѣ, опустошенный и обращенный исключительно на самого себя, рѣшительно не способенъ съ надлежащею отчетливостію отличать нравственно-должное и дозволительное отъ недолжнаго и преступнаго. И здѣсь опять праведное возмездіе: *и какъ они не заботились имѣть Бога въ разумѣ, то предалъ ихъ Богъ превратному уму дѣлать непотребства* (ст. 28). Въ числѣ этихъ непотребствъ, многочисленныхъ и весьма разнообразныхъ (ихъ апостолъ перечисляетъ вслѣдъ за приведенными словами), мы находимъ два особенно характерныхъ: богоненавистничество и самохвальную гордость. Психологическая связь основныхъ моментовъ, которыми здѣсь отмѣченъ процессъ этого крайняго отпаденія, этой послѣдней ступени въ жизни языческаго сознанія, естественна и вполнѣ очевидна: простое забвеніе Бога неизбѣжно превращается въ богоненавистничество, когда самохвальная гордыня человѣка, въ своемъ крайнемъ ослѣпленіи, признаетъ достойнымъ одобренія то, что̀ праведный судъ Божій призналъ *достойнымъ*

смерти (ст. 32). Гордость, на крайней ступени своего развитія, не терпитъ иныхъ критеріевъ и иной оцѣнки своихъ мыслей, настроеній и дѣяній, помимо той, какую устанавливаетъ она сама. Уже простое напоминаніе о возможности иныхъ критеріевъ оцѣнки, хотя бы они облечены были высшимъ авторитетомъ, ей противно и ненавистно. И вотъ предъ нами богоненавистничество со стороны ослѣпленной самохвальствомъ языческой гордыни!

Надъ язычествомъ, въ его исторіи, оправдался вѣчный законъ духовной жизни: *тому, кто имѣетъ, дано будетъ и пріумножится, а кто не имѣетъ, у того отнимется и то, что имѣетъ* (Мѳ. 13, 12). Язычникамъ, въ ихъ первоначальномъ знаніи о Богѣ, дано было достаточно для того, чтобы, восходя отъ вѣры въ вѣру (ст. 17), подобно типичному выразителю первоначальной вѣры, Аврааму, подобно ему же жить и быть живыми ею. Но ихъ *πρῶτον ψεῦδος* — небреженіе тѣмъ, что̀, какъ прямую обязанность, налагало на нихъ ихъ знаніе о Богѣ, т.-е. небреженіе культомъ, въ его двухъ основныхъ формахъ, славословіи и благодареніи, — эта роковая ошибка, столь богатая гибельными слѣдствіями, въ концѣ концовъ собрала на ихъ голову *гнѣвъ Божій, открывающійся съ неба на всякое нечестіе и неправду человѣковъ, подавляющихъ истину неправдою* (ст. 18). Не въ громахъ и молніяхъ и не въ какихъ-либо другихъ грозныхъ знаменіяхъ природы открылся язычникамъ этотъ страшный гнѣвъ Божій, но — въ нихъ самихъ, въ ихъ сердцахъ, и помыслахъ, и во всей ихъ богомерзкой жизни. Когда богопреданность, отличавшая лучшихъ людей человѣчества, исторически предшествовавшаго отпаденію язычества, смѣнилась у язычниковъ богоненавистничествомъ, тогда отъ ихъ жизни осталась лишь форма, даже и по внѣшнему виду иногда человѣку совсѣмъ непристойная: наступило торжество надъ духомъ плоти, въ ея низменныхъ вегетативно-животныхъ проявленіяхъ.

III.

Томленіе язычниковъ по истинномъ Богѣ.

Язычество есть *ложь* (ст. 25). Однако, чистою ложью назвать его нельзя. Чистая ложь вообще есть понятіе нефилософское[6]). Въ частности это понятіе совсѣмъ неприло-

жимо къ такимъ явленіямъ духовной жизни, которыя, какъ язычество, своею вѣковою стойкостію доказываютъ, что они связаны съ мыслію и жизнію не только отдѣльныхъ людей, но поколѣній, цѣлыхъ народностей и, наконецъ, всего человѣчества многими и многообразными нитями. И дѣйствительно апостолъ не считаетъ язычество чистою ложью. Подъ вѣковыми наслоеніями заблужденій онъ видитъ въ немъ зерно истины и подъ нравственнымъ омертвѣніемъ слышитъ прозябаніе добрыхъ ростковъ — въ формѣ стремленія къ истинной религіи и истинному Богу.

Если мысль апостола выразить сравненіемъ, то язычника можно уподобить именно евангельскому „блудному сыну", который, совсѣмъ не зная условій жизни въ далекихъ и невѣдомыхъ ему странахъ, но увлекаемый единственно жаждою новизны и наслажденій, пустился въ далекій путь. Начались безконечныя блужданія, полныя опасностей; всякія и всяческія уклоненія отъ нормъ жизни; сожалѣнія, муки, томленіе, не говоря уже о лишеніяхъ всякаго рода. При этомъ образовались дурные навыки ума и воли и, среди этихъ скитаній, человѣкъ дошелъ, наконецъ, до того, что не только утратилъ живое воспоминаніе о прежней жизни въ домѣ отца, но и вообще пересталъ представлять возможность иной жизни. И все же, когда онъ случайно видѣлъ картины, подобныя покинутымъ дома, когда слышалъ голоса, хотя бы лишь отдаленно-напоминающіе голосъ отца, — былыя чувства поднимались въ немъ, и онъ узналъ, тотчасъ же и непосредственно, и эти картины и эти голоса, начиналъ и тосковать и радоваться, и стремиться къ возврату въ прежнюю жизнь.

Трагизмъ жизни язычества заключается въ томъ же, въ чемъ заключается и трагизмъ всякаго глубоко павшаго, но искренняго человѣка: въ своихъ грубыхъ суевѣріяхъ и мерзостныхъ культахъ язычникъ переживаетъ не то, чего внутренно желаетъ и чему могъ бы внутренно радоваться, но то, чего не желаетъ и отъ чего страдаетъ. И онъ могъ бы сказать, какъ несомнѣнно и говорили всѣ, обратившіеся изъ язычества въ христіанство, — съ бо́льшею или меньшею степенью сознательности и искренности, — вмѣстѣ съ апостоломъ: *не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю* (Р. 7, 15). Обычная въ трагедіяхъ борьба между со-

знаніемъ *должнаго* и роковымъ фактическимъ подчиненіемъ *недолжному* развертывается предъ нами и здѣсь, въ исторіи язычества. И общее моральное дѣйствіе, какъ на самого „героя“ трагедіи (язычника), такъ и на ея зрителей, и здѣсь, въ сущности, то же: сознаніе безпомощности человѣка *своими силами* выйти изъ этой роковой коллизіи, и вытекающая отсюда потребность въ высшей, освободительной силѣ. Такова, какъ извѣстно, и была конечная цѣль апостола Павла, когда онъ говорилъ и писалъ о язычествѣ: ставя предъ сознаніемъ своихъ слушателей и читателей (язычниковъ или христіанъ изъ язычниковъ) предносившійся его богопросвѣщенному взору образъ язычества, съ чертами не многочисленными, но ярко и рѣшительно намѣченными, онъ именно хотѣлъ пробудить въ нихъ сознаніе недостаточности естественныхъ силъ человѣка для истинно-религіозной жизни и потребность въ благодати христіанства, бичуя при этомъ *ложь* язычества и опираясь на тѣ крупицы *истины,* которыя находилъ подъ оболочкою лжи.

Но что же именно въ язычествѣ есть *ложь* и въ какой формѣ сохранились въ немъ остатки *истины?*

Коренная ложь язычества, какъ мы теперь знаемъ, состоитъ въ обоготвореніи твари. Языческіе боги, какъ образы фантазіи, отмѣченные именами, или созданія искусства, грубаго ли то или изящнаго (идолы) — совсѣмъ *ничто,* обманъ и призракъ, разлетающійся отъ простого дуновенія[7]). Но такъ какъ никакая фантазія и никакое человѣческое искусство не могутъ творить изъ ничего, то и здѣсь, въ этихъ, чуждыхъ реальности образахъ божествъ, анализъ долженъ открыть нѣкоторые реальные элементы. Какіе же это элементы? Всякій образъ божества, — такова въ самой общей и отвлеченной формѣ мысль апостола, — есть произведеніе двухъ производителей: непреодолимаго религіознаго инстинкта, съ одной стороны, и природно-стихійной основы, — съ другой. Повинуясь внутреннему религіозному влеченію, язычники, по апостолу, шли къ своимъ *безгласнымъ идоламъ, какъ бы ведомые насильно* (1 Кор. 12, 2). Несомнѣнно они и творили ихъ, повинуясь той же непреодолимой потребности, пробуждаемой религіознымъ инстинктомъ. Съ другой стороны, при радикальномъ забвеніи язычниками объ истинномъ Богѣ и Его духовныхъ совершенствахъ, матеріаломъ для построенія

образовъ ложныхъ божествъ имъ могли служить, очевидно, лишь *элементы* (Галат. 4, 9 — *τὰ στοιχεῖα*) *природной жизни*, въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ и формахъ, отъ человѣка до косныхъ міровыхъ массъ (свѣтила небесныя). Такъ какъ, однако, едва мерцающая въ глубинѣ человѣческой души искра божественнаго свѣта и слабо прозябающіе ростки живого религіознаго инстинкта не способны просвѣтить темноту и побѣдить мертвую косность природныхъ „стихій", то язычникъ, прилѣплявшійся духовно къ своимъ идоламъ, естественно погружался въ этотъ *міръ* (1 Кор. 2, 12 и др.), образуя какъ бы одинъ изъ его элементовъ или членовъ, почему и само язычество называется въ Писаніи *міромъ*[8]).

Подпаденіе язычества космическимъ началамъ и обусловленная этимъ жизнь по законамъ природы, а не по законамъ духа, — эта первая ложь уже сама по себѣ вела язычество къ нравственному разложенію: классическое *ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ* (1 Кор. 15, 32), возводящее въ принципъ жизни единственно чувственное наслажденіе, не сдерживаемое никакими идеальными мотивами и ограниченіями, является лишь однимъ изъ многихъ выводовъ, вытекавшихъ изъ безраздѣльнаго подчиненія языческаго сознанія началамъ слѣпой и темной космической жизни. „Безсловесные", т.-е. не способные давать истинныхъ откровеній и вразумленій, идолы нисколько не могли, конечно, при этомъ помочь своимъ чтителямъ выбираться изъ тьмы, въ которую ихъ вовлекло служеніе *немощнымъ и бѣднымъ вещественнымъ стихіямъ*. Но ко всему этому присоединилось еще другое и горшее зло: подпаденіе язычниковъ власти и кознямъ сатаны и его воинства[9]).

Подпаденіе язычества власти и вліянію демоновъ есть неизбѣжное слѣдствіе ихъ отпаденія отъ Бога, и апостолъ *предполагаетъ* этотъ фактъ — мистическое воздѣйствіе со стороны темныхъ силъ на язычниковъ — какъ нѣчто самопонятное. Но въ предупрежденіе соблазновъ мысли, которые легко могутъ выростать въ области вопросовъ этого рода и дѣйствительно, уже и при первомъ явленіи христіанской проповѣди въ мірѣ, возникали, апостолъ не довольствуется общимъ указаніемъ на фактъ демонскаго воздѣйствія на язычниковъ, но опредѣляетъ способъ и объемъ этого воздѣйствія. Намъ нужно точно поставить передъ своимъ сознаніемъ эту тонкую мысль.

Апостолъ *не говоритъ*, будто язычество есть созданіе де-

БИБЛИОТЕКА
ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ ЦЕНТРАЛЬНОГО
ИСТОРИЧЕСКАГО

моновъ, будто оно, — какъ стали утверждать нѣкоторые позднѣйшіе экзегеты, не разумѣющіе духа апостольскаго ученія, — „магическо-супранатуральнаго происхожденія“: эта мысль радикально исключена у апостола уже однимъ тѣмъ, что онъ даетъ *естественно-психологическое* объясненіе отпаденія язычниковъ. *Не говоритъ* апостолъ и того, будто языческія божества или, точнѣе, идолы суть, такъ сказать, воплощенные демоны, которымъ язычники рабствуютъ, какъ безвольные рабы. Нѣтъ, не демонамъ они рабствуютъ, но прежде всего грѣху, коренящемуся въ нихъ самихъ, въ ихъ самохвальной гордынѣ (Рим. 6, 17). Но такъ какъ грѣхъ, во всѣхъ его безконечно-разнообразныхъ формахъ, свилъ себѣ прочное гнѣздо въ языческихъ культахъ и освященъ языческими суевѣріями, то тотъ, кто служитъ языческимъ богамъ, тѣмъ самымъ служитъ и демонамъ, которые всегда стоятъ на стражѣ около грѣшнаго человѣка. Говоря иначе, идолослуженіе есть лишь орудіе подчиненія язычниковъ демонами. *Принося жертвы,* язычники (въ сущности и вопреки своему намѣренію) *приносятъ бѣсамъ, а не Богу* (1 Кор. 10, 20): вотъ точная мысль апостола! Отношеніе здѣсь не прямое и непосредственное, не такое, которое бы сопровождалось яснымъ сознаніемъ того, что язычники чтутъ именно бѣсовъ (демонослуженіе, если и встрѣчается среди безконечно-разнообразныхъ формъ язычества, то лишь какъ чрезвычайно рѣдкое исключеніе), но косвенное: идолопочитаніе и идолослуженіе, — такова мысль апостола, — даетъ демонамъ средство вѣрнѣе подчинить идолопоклонниковъ своему вліянію и сдѣлать ихъ какъ бы членами своего царства. И хотя, даже и при этомъ, только косвенномъ, воздѣйствіи со стороны демоновъ на человѣка, онъ можетъ дойти до такого ослѣпленія ума, при которомъ перестанетъ различать истину отъ лжи, добро отъ зла, а вслѣдствіе этого сдѣлается уже не воспріимчивъ къ благовѣстію истины (2 Кор. 4, 4), — до такого состоянія и дошло язычество, взятое какъ *общій типъ,* предносившійся взору апостола въ своихъ коренныхъ причинахъ и логически-возможныхъ слѣдствіяхъ, — однако, *для отдѣльныхъ людей* и въ язычествѣ отнюдь не исключена возможность иниціативы выхода изъ-подъ власти демоновъ къ свѣту христіанской истины. Возможность такой иниціативы неотразимо и общеубѣдительно доказана всемірно-историческимъ фактомъ обращенія язычни-

ковъ въ христіанство и, безъ сомнѣнія, какъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ (1 Кор. 5, 5), такъ и въ данномъ демонская тиранія, въ допущенныхъ самимъ Богомъ предѣлахъ (1 Кор. 10, 13), имѣетъ одну и единственную конечную цѣль — спасеніе духа.

Здѣсь мы достигаемъ того пункта, на которомъ намъ ясно открывается конечная цѣль исторіи язычества и ея высшій смыслъ. Богъ „произвелъ весь родъ человѣческій для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленныя времена и предѣлы ихъ обитанію, дабы они искали Бога, не ощутятъ ли Его и не найдутъ ли“ (Дѣян. 17, 26—27). При этомъ, людямъ недовѣрчивымъ и непослушнымъ, не захотѣвшимъ внимать голосу первобытной общечеловѣческой традиціи, Онъ предоставилъ „ходить своими путями“ (Дѣян. 14, 16), предавъ ихъ и своимъ страстямъ и своему превратному уму (Римл. 1, 24, 28), а чрезъ то, наконецъ, — и вліянію демоновъ. Словомъ, Онъ, предоставилъ такихъ людей (язычниковъ) вполнѣ своей волѣ и своей свободѣ. Результатъ ихъ жизни по своей волѣ и своимъ желаніямъ былъ двоякій: во-первыхъ, удалившись отъ истиннаго Бога, они не перестали искать Его и, самымъ фактомъ идолослуженія, доказали свою неискоренимую природную богобоязненность; во-вторыхъ, именно своею безконечною смѣною боговъ, они доказали, что ни однимъ ложнымъ божествомъ они удовлетворяться не могутъ, что долженъ быть иной Богъ, хотя имъ и *невѣдомый*. Такимъ образомъ, постулаты религіозной жизни, ея *форма* у язычниковъ вполнѣ сохранилась и, хотя эта форма была въ язычествѣ лишена своего истиннаго содержанія, однако, послѣ своихъ вѣковыхъ блужданій и именно чрезъ нихъ, язычники пришли, наконецъ, къ сознанію по крайней мѣрѣ того, *что не можетъ и не должна быть эта искомая истина*. Воздавая поклоненіе Невѣдомому Богу (Дѣян. 18, 23), лучшіе язычники эпохи „исполненія временъ“ стали уже и въ практику переводить то осужденіе языческихъ суевѣрій и культовъ, которое задолго предъ тѣмъ было высказано устами наиболѣе глубокомысленныхъ философовъ. А радость язычниковъ, впервые слышавшихъ слово апостоловъ (Дѣян. 14, 48 и др.), доказывала, что въ жизни по стихіямъ міра совсѣмъ не было для нихъ отрады. Этимъ двойнымъ самоосужденіемъ язычества, — осужденіемъ лжи языческихъ суевѣрій и

неправды языческой жизни, — оно само очищало себя отъ ветхихъ наслоеній лжи и неправды и открывало доступъ къ своему сердцу евангельской проповѣди. Такъ самое отчужденіе язычниковъ отъ Бога служило цѣлямъ ихъ спасенія: *всѣхъ заключилъ Богъ въ непослушаніе, чтобы всѣхъ помиловать* (Римл. 11, 32).

Заключеніе.

Образъ язычества, поставленный, въ основныхъ чертахъ, великимъ апостоломъ языковъ предъ христіанскимъ сознаніемъ, имѣетъ для него двоякое значеніе: во-первыхъ, какъ урокъ *практическаго ученія* и, во-вторыхъ, какъ руководство при *теоретическихъ изслѣдованіяхъ* въ области исторіи язычества.

Въ первомъ отношеніи судьба язычества служитъ и вѣчно будетъ служить для человѣчества напоминаніемъ о томъ, что *человѣкъ не можетъ уйти отъ Бога* и, если бы, подобно язычникамъ, онъ захотѣлъ сдѣлать это, то, — если только онъ не совсѣмъ погибшая душа, — рано или поздно, послѣ долгихъ блужданій, глубокихъ нравственныхъ паденій и мучительныхъ колебаній, онъ все же захотѣлъ бы снова возвратиться къ Богу, какъ блудный сынъ къ своему желанному и, несмотря на отчужденіе, въ сущности глубоко любимому Отцу.

Во второмъ отношеніи исторія язычества, намѣченная великимъ апостоломъ въ ляпидарно-сжатыхъ, но психологически глубоко-правдивыхъ, чертахъ даетъ историкамъ религіи и культуры незамѣнимыя указанія относительно того, чѣмъ началась жизнь языческаго сознанія и какія причины обусловливали ея ниспаденіе со ступени на ступень.

Смыслъ, открывающійся съ указанныхъ точекъ зрѣнія въ исторіи язычества, поистинѣ неисчерпаемъ, и мы не могли конечно, брать здѣсь на себя невозможную задачу раскрыть всю полноту его. Нѣтъ, мы лишь хотѣли поставить предметъ предъ сознаніемъ читателя въ надлежащую перспективу. Степень же полноты его разумѣнія обусловлена мѣрою личной пріемлемости каждаго.

Примѣчанія.

Общее замѣчаніе. — Философія, въ отличіе отъ другихъ наукъ, характеризуется, во-первыхъ, тѣмъ, что изслѣдуетъ лишь *общія* стороны дѣйствительности, и во-вторыхъ, тѣмъ, что каждый родъ предметовъ или каждую область

бытія разсматриваетъ *въ связи* со всею системою дѣйствительности. Сообразно съ этимъ *философскій комментарій* священнаго текста, въ отличіе отъ комментарія филологическаго, реальнаго (археологическаго, историческаго и проч.), церковно-догматическаго (типъ у насъ — комментаріи епископа Ѳеофана), характеризуется тѣмъ, что, во-первыхъ, останавливается лишь *на общемъ и основномъ* смыслѣ священныхъ текстовъ, оставляя въ сторонѣ все дополнительное, второстепенное и спорное, и во-вторыхъ — тѣмъ, что стремится поставить изслѣдуемый предметъ *въ связь* съ общимъ строемъ библейско-теистическаго міросозерцанія, выраженнаго въ терминахъ современнаго намъ философскаго сознанія и языка. Въ частности, въ отношеніи къ нашему вопросу, вниманіе философа сосредоточивается, главнымъ образомъ, на общихъ и основныхъ моментахъ процесса отпаденія язычества, поскольку онъ опредѣляется взаимоотношеніемъ трехъ основныхъ факторовъ всякой вообще исторіи — началъ божескаго, человѣческаго и демонскаго. Для частныхъ справокъ (филологическихъ, реальныхъ и проч.) рекомендуемъ читателю, кромѣ извѣстныхъ комментаріевъ, книжку Dr. *Christian*'a *Rogge:* Die Anschauungen des Apostels Paulus von dem religiös-sittlichen Character des Heidentums auf Grund der vier Hauptbriefe. Eine theologisch-philologische Untersuchung. Lpz. 1888. VII + 82. Книга, съ идейно-принципіальной стороны не совсѣмъ ясная, но содержитъ много полезныхъ справокъ.

1. Несмотря на то, что о язычествѣ обыкновенно говорятъ какъ о чемъ-то вполнѣ безспорномъ и самопонятномъ, понятіе язычества далеко не можетъ быть отнесено къ числу понятій, строго и точно опредѣленныхъ. Говоря строго, классификаціонный принципъ можетъ быть здѣсь только одинъ и притомъ совершенно ясный: существовала изъ начала вѣка и доселѣ существуетъ религія *истинная,* въ ея различныхъ формахъ (религія „первобытная", или, какъ опредѣляетъ митрополитъ Филаретъ въ своихъ *Запискахъ* по библейской исторіи, „завѣтъ дѣлъ", смѣнившаяся, послѣ грѣхопаденія, „завѣтомъ благодати"; затѣмъ, во время послѣпотопное, истинная религія хранилась въ „Церкви, обновленной завѣтомъ съ Ноемъ"; далѣе слѣдуетъ религія подзаконная — іудейская и, наконецъ, религія новоблагодатная, христіанская); но съ теченіемъ времени изъ истинной религіи выдѣлилась религія *ложная* (язычество, какъ совокупность всѣхъ ложныхъ религій), начало которой восходитъ уже ко времени *до* потопа, но которая внѣшнимъ образомъ обособилась отъ истинной Церкви лишь съ призваніемъ Авраама. Язычество, въ отличіе отъ различныхъ формъ истинной религіи, характеризуется именно тѣмъ, что оно *не имѣетъ истиннаго понятія* о Богѣ и въ своей жизни отпало отъ Него. — Понятіе язычества, — повторяемъ, — съ *этой* точки зрѣнія (въ сущности это единственная точка зрѣнія, не вводящая путаницы) совершенно ясно и точно. Нѣкоторые богословы, однако, не усвоивъ этой точки зрѣнія, говорятъ о „язычествѣ *до* отпаденія отъ Бога" (Heidentum *vor* seinem Abfall von Gott) и язычествѣ *послѣ* отпаденія (см., напр., *Rogge,* op. cit. S. 17). Получается такимъ образомъ очевидная, замѣтная уже и въ самомъ слововыраженіи нелѣпость: вѣдь язычество, не отпавшее отъ Бога, очевидно, не есть язычество, ибо сущность язычества въ томъ именно и состоитъ, что оно отпало отъ Бога и утратило о Немъ истинное знаніе. А между тѣмъ въ приведенномъ мнѣніи, если его взять съ должными ограниченіями, скрыта совершенно вѣрная мысль. Дѣло въ слѣдующемъ. До призванія Авраама были отдѣльные люди, которые, какъ Мельхиседекъ, царь и священникъ Бога вышняго, Авимелехъ, царь

герарскій, благочестивый Іовъ, Авраамъ (до призванія) съ племянникомъ Лотомъ, хотя сами и не имѣли чрезвычайныхъ откровеній, однако, руководясь истиннымъ преданіемъ, исходившимъ изъ Церкви Ноевой, хранили свои естественныя силы въ такой чистотѣ и на такой высотѣ, были такъ далеки отъ всего противоестественнаго, извращающаго умъ и сердце и закрывающаго слухъ для чрезвычайныхъ откровеній, что могутъ быть разсматриваемы, какъ представители нормальнаго или *естественнаго* человѣчества, въ смыслѣ противоположности *противоестественному*. Это и есть то „язычество *до* отпаденія отъ Бога", о которомъ, съ такимъ очевиднымъ вербальнымъ самопротиворѣчіемъ, говоритъ нѣмецкій богословъ. — Такимъ образомъ, когда мы говоримъ (въ текстѣ) о *естественномъ* человѣчествѣ, то разумѣемъ именно этихъ хранителей естественныхъ (т.-е. не искаженныхъ противоестественнымъ употребленіемъ) задатковъ истиннаго богопознанія и нравственной жизни, заложенныхъ въ человѣческомъ духѣ и поддерживаемыхъ на надлежащей высотѣ истинною традиціею, равно какъ и тѣми явными знаменіями божественнаго всемогущества, слухъ о которыхъ (какъ, напр., о потопѣ или смѣшеніи языковъ) проходилъ по всей землѣ древняго послѣпотопнаго міра.

2. Дѣян. 17, 26—27: *Сотворилъ есть отъ единыя крове... взыскати Господа, да поне осяжутъ его и обрящутъ,* — **εἰ ἄρα γε ψηλαφήσειαν αὐτὸν καὶ εὕροιεν.** Частицы **εἰ ἄρα γε** (= num forte) съ желат. накл. обозначаютъ весьма малую вѣроятность выраженной мысли. Значитъ, по мысли апостола, предоставленіе язычникамъ самимъ искать Бога осязаніемъ имѣло цѣлію именно пробужденіе въ нихъ сознанія недостаточности познавательныхъ силъ человѣка, отрѣшенныхъ отъ основы истинной традиціи, въ дѣлѣ богопознанія. Низшіе виды познанія, познаніе чувственное въ его различныхъ формахъ, могутъ, конечно, имѣть свою долю значенія въ дѣлѣ богопознанія, но лишь при условіи руководства со стороны высшихъ, точно такъ же какъ и высшія *естественныя* силы человѣка (умъ и совѣсть) въ настоящемъ, поврежденномъ грѣхопаденіемъ, состояніи человѣка нуждаются въ руководствѣ со стороны сверхъестественнаго Откровенія, хотя бы оно хранилось лишь въ формѣ отдаленной традиціи.

3. *Вѣчная сила Его и божество* — **ἡ ἀΐδιος αὐτοῦ δύναμις καὶ θειότης.** Здѣсь *hendiadys: вѣчная сила божественности* или *божественность, открывающаяся въ проявленіяхъ вѣчнаго всемогущества.* Однако, настаивать исключительно на такомъ именно толкованіи текста нѣтъ побужденій. Напротивъ, въ виду дальнѣйшихъ параллелей (божественность и сила = прославленіе и благодареніе = омраченіе сердца и суета ума), слѣдуетъ удержать понятія, выражаемыя указанными терминами, какъ два отдѣльныхъ и относительно самостоятельныхъ момента мысли, при чемъ подъ **δύναμις** слѣдуетъ разумѣть именно проявленія божественнаго всемогущества, а подъ **θειότης** — явленіе въ мірѣ божественной славы (ср. ст. 21 и 23 — **ἐδόξασαν, ἤλλαξαν τὴν δόξαν**; Псал. 18, 2: *Небеса повѣдаютъ славу Божію;* см. филологическій комментарій къ этому мѣсту у *Rogge*, S. 9—11). Выражаясь отвлеченно-философски, слѣдуетъ сказать, что первый терминъ выражаетъ *динамическій моментъ* космоса, а второй — *идеально-эстетическій*. См. раскрытіе этихъ терминовъ въ текстѣ, дальше.

4. „Боящіеся Бога“ собственно проселиты врат (см. справку у г. *Артаболевскаго,* Первое путешествіе св. апостола Павла, стр. 198). Но ничто не препятствуетъ понимать подъ этими терминами вообще тѣхъ людей, — къ какому бы народу и времени они ни относились, — которые имѣли вѣру въ истиннаго Бога, исполняли начертанный въ ихъ сердцѣ нравственный законъ и чрезъ то пріобрѣтали благоволеніе Божіе. Ср. у проф. *А. Д. Бѣляева,* О безбожіи и антихристѣ. Сергіевъ посадъ 1893, т. I, стр. 23.

5. Говоря строго, *знаніе* о Богѣ, не проведенное въ жизнь, хотя бы оно было теоретически истинно, не есть еще религіозная *вѣра*. Язычники, доказавшіе своимъ отчужденіемъ отъ жизни Божіей (Ефес. 4, 17—19), что фактически ихъ знаніе о Богѣ не имѣетъ власти надъ ихъ сознаніемъ и жизнью, тѣмъ самымъ обнаружили и свое *невѣріе* и свое *непослушаніе* нравственнымъ обязанностямъ, налагаемымъ *вѣрою* (задачею проповѣди апостола и было именно приведеніе язычниковъ *въ послушаніе вѣры*, ср. Римл. 15, 18). Ср. у *Rogge,* S. 32—33: Der Abfall des Heidentums ist also *Ungehorsam, Unglaube,* ein Vorgang theoretischer und praktischer Natur zugleich.

6. Мы называемъ понятіе *чистой лжи* понятіемъ нефилософскимъ потому, что такое сочетаніе мыслей, которое было бы *абсолютно* неистинно, т.-е. неистинно вмѣстѣ и по своимъ элементамъ и по своей формѣ, есть, говоря строго, *психологическая невозможность*. Вотъ почему абсолютный скептицизмъ, чего бы онъ ни касался, — вопросовъ ли знанія, бытія ли Божія или чего другого, изобличается, прежде всего, своимъ собственнымъ внутреннимъ противорѣчіемъ („я ничего не знаю“; но — *ты знаешь* о томъ, что „ничего не знаешь“ и проч.). Въ этой невозможности для человѣка чистой лжи и чистаго отрицанія сказывается *положительное начало* его природы, предназначенной къ познанію истины.

7. О квалификаціи языческихъ боговъ, какъ суеты и ничтожества, см. справки у г. *Артоболевскаго,* op. cit., стр. 296—298.

8. См. I Кор. 2, 12; 11, 32 и др. Язычники живутъ по духу *„міра сего“*, который совершенно противоположенъ *„духу отъ Бога“* — какъ суетная человѣческая мудрость, пригвожденная къ земному и низменному, противоположна наученію отъ Св. Духа, подающаго мудрость духовную, способную судить о всемъ (I Кор. 2, 12—16).

9. Точка зрѣнія апостола на вопросъ объ отношеніи язычества къ служенію демонамъ и ихъ власти опредѣляется ея срединнымъ положеніемъ между двумя крайностями: *раціонализмомъ* людей, совершенно отрицавшихъ существованіе демоновъ, съ одной стороны, и — *суевѣріемъ* людей, полагавшихъ, что языческое божество есть *само по себѣ* воплощенный демонъ, способный оказывать свою власть на всякаго вообще человѣка, независимо отъ того, язычникъ онъ или христіанинъ, кланяется онъ ложнымъ языческимъ богамъ или нѣтъ, съ другой. Вопреки мнѣнію первыхъ, апостолъ говоритъ: демоны существуютъ и на тѣхъ, кто отдается идолослуженію или уподобляется въ своей жизни язычникамъ, они оказываютъ свое порабощающее вліяніе. Вопреки мнѣнію вторыхъ, онъ говоритъ: не на всякаго человѣка простирается власть и вліяніе демоновъ, чрезъ представленіе о ложныхъ богахъ или чрезъ идоловъ, но только на тѣхъ, кто по-

руженъ въ язычество или рабствуетъ грѣху (Римл. 6, 17). Ср. подробнѣе у *Rogge*, op. cit., S. 59 и вообще параграфы, посвященные этому вопросу (14—19). Тотъ же взглядъ оставался господствующимъ и въ ученіи отцовъ и учителей Церкви, хотя, въ исторіи этого вопроса замѣчался иногда, — у отдѣльныхъ церковныхъ писателей, — наклонъ въ сторону той или другой изъ вышеозначенныхъ крайностей, до мнѣнія о тождествѣ языческихъ божествъ и демоновъ включительно. См. сводъ мнѣній объ этомъ предметѣ церковныхъ писателей у преосв. *Хрисанѳа* въ его извѣстномъ трудѣ: *Религіи древняго міра въ ихъ отношеніи къ христіанству*, т. III, стр. 532 слѣд. Общую мысль церковнаго преданія по этому вопросу преосв. Хрисанѳъ выражаетъ такимъ образомъ: „Доказывая суетность и пустоту языческихъ понятій о богахъ, признавая идоловъ бездушными и мертвыми истуканами, апологеты христіанства вмѣстѣ съ тѣмъ допускали участіе въ идолопоклонствѣ живыхъ силъ и существъ — злыхъ духовъ. Идолъ есть дерево или камень; представленіе о силахъ природы, какъ живыхъ и имѣющихъ божественную власть надъ человѣкомъ, — грубое заблужденіе; всѣ такіе боги — призракъ; призракъ и суевѣріе — и боги Олимпа съ человѣкообразными свойствами, которыя не могутъ принадлежать Богу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ или не смотря на это, идолопоклонство *въ извѣстной степени*, по мнѣнію апологетовъ, было служеніемъ не призраку только или бездушному веществу, но и живымъ, дѣйствительнымъ существамъ, хотя и не тѣмъ или не такимъ, какими представляли своихъ боговъ язычники: оно было служеніемъ демонамъ. Таковъ взглядъ на идолопоклонство у многихъ апологетовъ и у другихъ церковныхъ писателей о язычествѣ. Воображаемые боги язычниковъ на самомъ дѣлѣ не существовали. Если кого можно назвать дѣйствительными, настоящими богами язычниковъ, то единственно демоновъ. Имъ служили въ идолопоклонствѣ; имъ въ сущности поклонялись язычники. Поэтому, и все язычество въ его цѣломъ, апологеты называютъ областію дѣйствій сатаны, весь языческій міръ подчиненнымъ, въ этомъ смыслѣ, демонамъ...“ Стр. 552—3.— Усвоеніе правильной точки зрѣнія на вопросъ объ отношеніи язычества къ области и условіямъ демонскихъ воздѣйствій на человѣка весьма важно для историка религій, такъ какъ только при этомъ онъ будетъ свободенъ отъ того крайняго и неистиннаго взгляда на историческій процессъ язычества, по которому оно, по своему происхожденію, будто бы *супранатурально-магической* природы, — есть случайное и безпорядочное наслоеніе суевѣрій и культовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ *единственно* кознямъ демоновъ. Нѣтъ, язычество происхожденія *естественнаго*, хотя его исторія и стоитъ подъ *косвеннымъ* воздѣйствіемъ (чрезъ сѣти грѣха) темныхъ демонскихъ силъ. Этотъ послѣдній факторъ, конечно, не поддается строгому научному расчисленію. Но, при указанномъ ограниченіи, онъ нисколько не лишаетъ историка увѣренности въ томъ, что, изучая и воссоздавая процессъ развитія язычества, онъ имѣетъ дѣло съ естественными причинами и факторами, каковая увѣренность есть необходимое условіе научности его конструкціи.

БИБЛІОТЕКА ...ГРАЛЬНАГО ...

Алексѣй Введенскій.